

«[Спектр7](#)» — виртуальное путешествие по Вселенной

Истории Путников
Выпуск № 2

RASPECHATAJ.RU

Истории, собранные в этом сборнике, написаны и опубликованы в Сети постоянными участниками интернет-ресурса Спектр7 — виртуальное путешествие по Вселенной (<http://www.spektr7.ru>)

Содержание:

Вступление	1
Истории Эдель	2
Истории ustus007	14
Истории Bookman	25

Этот сборник можно распечатать на любом принтере в виде книжки! Посетите <http://www.raspechataj.ru/spektr7>

- © Эдэль, ustus007, Bookman
- © Проект "«Спектр7» — виртуальное путешествие по Вселенной", составление сборника.
- © Клуб поклонников творчества С. В. Лукьяненко (<http://club.lukianenko.ru/>)
- © Верстка Виталий Бадмин, www.badmin.ucoz.ru

Вступление

Истории, вошедшие в этот сборник, были рассказаны во время конкурса под названием "Поиск фразы". Этот конкурс возникает у нас на сайте, когда один из Надразумов произносит мудрую фразу и раскидывает ее части по разным планетам. Тогда целью Путников становится найти эти части и собрать их воедино.

И трое Путников параллельно друг другу рассказывали Ключникам свои истории.

В этом конкурсе победила Эдэль. Ей был отправлен приз: книга "Спектр" с личной подписью Сергея Лукьяненко.

Истории Эдэль - наиболее лиричные. Истории ustus007 - наиболее удивительные. Истории bookman'a - наиболее жизненные. Считаю, что победили все.

Удачного чтения!

*Дмитрий Лейкин aka DileSoft
Руководитель проекта «Спектр7»*

В сборник вошли 26 историй, рассказанных Путниками Эдэль, ustus007 и bookman.

Истории Эдэль

Прогулка

Планета назначения: Прерия-2

Иду, держа руки за спиной и запрокинув голову. Смотрю на далекое серое небо, скрытое от меня прочной железной решеткой. Никогда больше в своей жизни я не смогу посмотреть на него. В этот день на небе нету солнца, небо скрывают мрачные серые облака, но мне все равно больше всего на свете хочется ходить и ходить под ним бесконечно.

Сегодня я должен умереть. Мой приговор обжалованию не подлежит: я убил беременную женщину, ее мужа и еще двоих маленьких детей, девочку и мальчика. Судьи не могут понять, что я всего лишь хотел спасти их от будущего. Они не могут понять, что смерть может принести счастье.

Я думаю, теперь вся та семья благодарит меня за избавление. Теперь они сами могут увидеть свою дальнейшую судьбу. Их детей схватят террористы и будут пытаться выкупить, вынуждая на выкуп. А выкуп страшен. Мужчина должен будет взять самолет и направить его на центр одного из мегаполисов: Токио или Нью-Йорк, на его выбор. И он сделает это, потому что не сможет смотреть на муки своих детей. Но их все равно убьют, вместе с их матерью, скрывая имя террориста. Я даже знаю, что умрет 1 546 097 человек, и среди них будет 15 896 детей.

Поэтому я прервал эти пять жизней. Но судьи не могут этого понять. И я не буду им ничего рассказывать.

— На выход, — рявкнул грубый голос от двери. Я кидаю последний взгляд на серое небо. Оно уже ждет меня.

Интересно, сколько таких, как я, оно уже приютило?

Библиотекарь

Планета назначения: Прерия-2

Однажды по пыльной дороге в невероятную жару тащился одинокий человек. Под мышкой он держал три книги, еще две у него были в заплечном мешке. Идти ему было тяжело, он запыхался. Старость брала свое. Тут перед ним возник человек. Над головой у него сиял нимб.

— Чего ты хочешь, праведник? — спросил Бог.

— Я хочу, чтобы было такое место, где было бы много-много книг. Я хочу их все прочитать!

Бог немного подумал и сказал:

— Хорошо, я исполню твое желание. Ты прочтешь все книги, какие захочешь. Отныне ты библиотекарь.

Так появилась первая на свете библиотека. Человек был по-настоящему счастлив. Он читал все книги, которые хотел, но он был добрый и поэтому давал их читать другим. Ему было дано бессмертие, чтобы он мог перечитать все книги на земле. Он до сих пор сидит где-то на краю света в своей уютной библиотеке и почитывает книжки. Он просто и по-человечески счастлив.

Муза

Планета назначения: Аранк

«Это произошло давным-давно, когда наша звезда еще была маленькой и желтой...»

— Нет, не то!

Я сорвалась с места и стала шагать по комнате.

«Что же мне придумать? Чем их еще удивить? Такое ощущение, что все темы уже избиты до неимоверности. Не буду же я рассказывать спливые детские истории про вечную любовь!»

Я снова села за клавиатуру. Вдохновение не приходило, муза летала где-то очень далеко.

«Вот бы взять да и словить ее за хвост, — подумала я. — Что тогда будет? Может, непрекращающееся вдохновение? Хотелось бы мне, чтобы оно у меня всегда было...»

— Ты действительно этого хочешь? — спросил меня мелодичный женский голос

Я испугалась. Вы знаете, все-таки довольно трудно осознать, что кто-то читает твои мысли.

— Кстати, у меня хвоста нет. Но словить ты меня, конечно, можешь, — муза засмеялась.

Я попыталась на нее посмотреть. Тут же из воздуха материализовалась полупрозрачная женская фигурка.

— Вот она я! Что, не узнаешь? Ты же меня столько раз звала. Вот я и пришла.

Мне показалось, что я начинаю сходить с ума.

— Ну что же ты сидишь? Давай начинать работать.

Муза приземлилась рядом со мной на стул и посмотрела на клавиатуру:

— Да, конечно, не гусиные перья... Но все равно сойдет.

Мы с ней работали до полуночи. Это было настолько интересно, что я и не оторвалась бы от компьютера, если бы не зашла мама. Само собой, что музу она не видела. А я и рада была этому. Это так удивительно, когда тебе помогает твоя муза! Она читает твои мысли и помогает сформулировать фразы, подсказывает идеи и оценивает получившееся... Я с нетерпением ждала следующего дня.

***

Прошла неделя. Я все это время не отходила от компьютера. Я написала уже больше полусотни рассказов. Я устала невероятно. И самое ужасное было то, что рассказы уже были не мои. Муза придумывала их за меня, а мои пальцы просто печатали то, что она мне говорила. К концу недели я стала замечать, что я как будто таю, а моя муза воплощается. Мне это не понравилось. Я хотела писать сама, думать свои мысли, а не чьи-то чужие. Но музе это определенно не понравилось.

— Ты сама позвала меня. Ты сама хотела, чтобы я всегда была с тобой. Уже поздно отказываться.

— Что значит поздно? Разве я не могу сейчас прогнать тебя?

— Конечно нет, глупая. Ты заключила сделку, а сделки надо выполнять.

Я не знала ни о какой сделке. Мало ли, что я думала, что отдам свою душу кому угодно за то, чтобы стать знаменитым писателем. Я же всего лишь думала!

— Мысль воплотима, — сказала муза. — Мы теперь навеки вместе.

***

Моих пальцев уже почти не видно. Это последний рассказ, который я пишу сама. Я знаю, что через некоторое время от меня ничего не останется. Но я надеюсь, что мой рассказ останется жив. И надеюсь на то, что вы всегда будете помнить, что мысль воплотима...

Звезды — холодные игрушки

Планета назначения: Ностим

Как же тяжело все-таки выбираться на свободу! Приходится каждый раз перелезать через высокие палки, но это еще не страшно. Самое страшное — слезать вниз. Всегда боишься, что можешь упасть. Ведь руки еще держат тебя совсем не крепко, а ноги не хотят передвигаться по твоей воле. Кто придумал эти дурацкие детские вольеры? Мы же не звери, чтобы держать нас в клетках.

Но каждый раз я пытаюсь бороться. Снова и снова преодолеваю это препятствие и иду к окну. Днем не очень интересно наблюдать за происходящим, а ночью мой еще пока не очень сильный организм не может специально просыпаться каждый раз, когда я его попрошу. До забвения мне осталось три-четыре дня, и поэтому я хочу сделать все, что успею. А больше всего я хочу посмотреть еще раз на звезды.

Я взбираюсь на подоконник. Это очень сложно, мне приходится карабкаться по батарее. А потом я встаю у приоткрытого окна и протягиваю руку. Наверно, я последний раз касаюсь звезд. Они все мне знакомы. Вот эта, желтенькая, не населена, потому что на ней совсем нет воды. Небольшая голубая звездочка тоже пуста, на ней жить невозможно — слишком холодно, все оттуда уже улетели. А вот эта планетка, около красной, но еще не большой звезды, интересная. Там кто-то живет. Я протягиваю руку и касаюсь ее. Вот маленькая девочка с беленькими косичками едет на велосипеде. А вот дяденька садится в вертолет. А ведь этот вертолет упадет! Мне жалко дядю, и я беру его вместе с вертолетом и ставлю обратно на землю, потом слегка искривляю ему винт, чтобы он не полетел. Не хочу, чтобы кто-то умирал. Только не сегодня. Смотрю на другую планету. Я не хочу брать ее в руки. Она слишком горячая: там идет война. Я не люблю такие планеты, потому что не могу остановить войну. Тут я ощущаю свое бессилие.

Я здороваюсь со всеми звездами, которые вижу. Я знаю, что ночь подходит к концу. И мне приходится оставить свои любимые игрушки и возвращаться в клетку. Завтра перед мамой придется играть в машинки. И послезавтра. И потом, наверно, тоже. Через несколько дней я скажу свое первое слово. Я его уже выбрал — это слово «звезда». Я скажу его и забуду обо всем, что было со мной в детстве. Может быть, потом, когда-нибудь, мама расскажет мне о нем, и я что-нибудь вспомню. Но вряд ли — я ведь буду уже взрослым и не смогу играть со звездами.

Надежда

Планета назначения: Факью

Здравствуй, ключник.

У меня есть для тебя история. Она грустная, как, в общем-то, и все мои истории...

Предисловие

2104 год. На земле так и не была изобретена сыворотка против СПИДа. Ученые просиживали над ее поиском всю свою жизнь, но умирали, так и не найдя ее. На Земле не осталось незараженных людей. Самая долгая жизнь — 37 лет. Зараженных детей в больницах принимали зараженные врачи. Последний здоровый человек умер в 2098 году от Рождества Христова в лабораторных условиях, перерезав себе вены. Он не выдержал того, что не имеет права любить.

Глава 1

За окном радостно светило солнце. Сегодня у него с самого утра было хорошее настроение, и поэтому оно решило разбудить меня пораньше. Оно, наверное, не знало, что я очень не люблю просыпаться рано, особенно на каникулах. Но сегодня я решил его простить, уж слишком все было хорошо. Я встал, потянулся и отправился в ванну. Пока я туда шел, мне под ноги ни разу не попал мой кот, Атом, поэтому я окончательно убедился, что день хороший.

Сегодня мне надо было в поликлинику. Я вообще не люблю эти мрачные заведения, где за старыми столами сидят старые и давно все забывшие врачи, но сегодня я готов был сделать исключение, потому что сегодня мне надо было к окулисту, а со зрением у меня все в порядке. Через два часа я шел по улице, радостно размахивая руками. Не знаю, откуда у меня эта привычка, но мне она позволяет расслабиться и успокоиться.

И тут случилось что-то странное. Мне резко стало плохо, закружилась голова, подкосились ноги, и я осел на горячий асфальт. Но я довольно быстро пришел в себя и приподнялся. Вокруг меня на асфальте корчились люди. «Это что, инопланетное вмешательство?» — подумал я. В то время я очень любил читать фантастику, поэтому именно такая мысль первой пришла мне в голову. Позже я узнал, что произошел пик эпидемии СПИДа на нашей планете. Я до сих пор думаю, не приложил ли кто-нибудь к этому руку. И я до сих пор не понимаю, как оказалось, что СПИД из болезни, передающейся половым путем, превратился в воздушно-капельную инфекцию.

Я с огромным трудом добрался до дома. Родителей не было. Я включил телевизор, надеясь, что там что-нибудь скажут. «НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ ДОМА НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ ЭТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СМЕРТЕЛЬНУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ НЕ ОБЩАЙТЕСЬ С ТЕМИ КТО ВЫХОДИЛ ЭТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СМЕРТЕЛЬНУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ...» Я выключил телевизор. Возникло ощущение, что меня похоронили заживо. И моих родителей. И всех людей, которых я видел сегодня на улице. И вообще всю планету.

Глава 2

Прошло трое суток. Около всех больниц и поликлиник выстроились бесконечные очереди. Но больным уже нельзя было ничем помочь. И здоровым тоже. Запрет выходить на улицы и встречаться с зараженными людьми первое время держал людей дома, но потом, когда они поняли, что смерти все равно не миновать — или дома от голода через две недели, или в больнице от СПИДа через несколько лет, — никто дома уже не оставался. Для обреченных людей их короткая жизнь потекла в том же ритме.

Но я не был обречен. Неизвестно как, но я не заразился. Мой организм перенес вирус СПИДа как простую ангину. А потом я поправился. И сам понял, что докторам нужна была моя помощь. Им надо было понять, каким образом я вылечился.

Меня привезли в самую современную больницу и поселили в отдельной квартире(палатой эти хоромы назвать было трудно). Вот только стены и потолок там были белые. И кормили меня стерилизованной пищей. Через два года я начал сходить с ума. За все это время я видел только бледных и измученных врачей, смотрящих на меня через стеклянное окошко. А потом мне повезло. Оказалось, что еще два человека на планете не заразились СПИДом. Они перенесли его так же, как и я, и теперь их тоже доставили в эту больницу. Прошло несколько относительно счастливых лет. Кими и Костя (спасшиеся брат и сестра) стали моими лучшими друзьями. Мы проводили вместе все свободное время и хорошо узнали друг друга. Мне было хорошо.

Глава 3

Когда нам с Кими исполнилось по двадцать лет, мы поженились. Я искренне любил ее, и люблю до сих пор, хотя ее давно уже нет со мной. Я уже привык, что каждый день у меня начинается с анализов, сдачи крови и всего остального. А вот Кими было тяжело. Она была нежной и хрупкой девушкой и никогда не отличалась крепким здоровьем. А смерть ее брата подорвала ее и так не окрепшую нервную систему.

Кирилл убил себя сам. Он понимал свою важность для человечества, но ничего не мог поделать с одиночеством. Мы с Кими по крайней мере были вместе. А вот он был совсем один и не смог побороть себя.

Через год у нас родился ребенок. Это был последний неинфицированный ребенок на земле. Кими сразу предупредили, что больше детей она иметь не сможет. Максимка рос и становился крепким и симпатичным мальчиком. Мы очень его любили и души в нем не чаяли, делали все, что он попросит. С первых дней его жизни врачи брали у него анализы и исследовали, как реагирует его кровь на вирусы. Оказалось, что иммунитета у него нет.

В шестнадцать лет мой единственный сын умер от СПИДа, заразившись еще в раннем возрасте от своей няни. Спасти его не было никакой возможности. Так же как и Кими. Она ушла из жизни сразу за сыном. Их похоронили рядом друг с другом и с тысячами людей, умершими от СПИДа.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Уже пятнадцать лет я не видел людей рядом с собой. Мне надоело смотреть на них сквозь стекло. Я больше не могу вынести того, что мне запрещено любить. Я пишу эту книгу, надеясь, что потомки когда-нибудь все же оценят нашу жертву и поймут, чего стоила их жизнь. А я больше жить не могу. Моя надежда умерла раньше, чем умираю я.

Счастье

Планета назначения: Беззар

Здравствуй, ключник. Я расскажу тебе еще одну историю. правда она немножко не в моем стиле...

В жизни так иногда случается, что наступает полоса везения. Ты идешь в магазин — и тебе достается последний килограмм твоих любимых конфет. Ты звонишь друзьям — и они всегда свободны и готовы пойти куда угодно. Тебе везет в учебе и на работе, все тебя любят, а шеф даже целует ручку. И в такие моменты жизни иногда случается настоящее Чудо...

***

Я шла из магазина и радостно помахивала пакетом. Там у меня лежали любимые конфеты, достать которые было невероятно трудно. А мне вдруг повезло: я зашла в магазин и увидела, что в очереди стоят всего пять человек. Теперь я шла в предвкушении недельной радости. Для того, чтобы дойти домой, мне надо было перейти через дорогу. Я остановилась, поджидая зеленый свет. Рядом со мной стоял

симпатичный молодой человек. Сразу видно было, что он волнуется. Я глянула повнимательнее. Пиджак на нем был расстегнут, и виднелась отглаженная белая рубашка, расстегнутая на груди. Парень теребил в руках оторванную пуговицу. Он смотрел на нее так, что казалось, что из-за этой маленькой беленькой пуговицы его жизнь сейчас закончится. Мне стало его жалко. Я спросила:

— Вы торопитесь?

— Нет. У меня вот через полтора часа собрание, а пуговица оторвалась, — он посмотрел на меня беспомощным взглядом.

— Я живу в соседнем доме. Мы можем зайти ко мне, и я пришью вам вашу пуговицу.

Надо было видеть его глаза в этот момент. Редко когда бывает, что человек так искренне благодарен. Мы направились ко мне. Пока мы шли, я поняла, что встретила неимоверно близкого мне человека. Мы сразу же перешли на «ты». Было такое ощущение, что мы знакомы вечно. Пока я пришивала ему пуговицу, он рассказывал мне смешные истории из жизни бедных дипломатов. Мы громко смеялись, время летело незаметно. Я уже давно пришила его пуговицу, он уже давно надел ту рубашку, но расставаться нам не хотелось. Через полчаса ему пришлось уйти, чтобы не опоздать на заседание. Мы тепло попрощались, и он пошел. Я поскорее подбежала к окну, чтобы посмотреть на удаляющуюся фигурку. Потом села на диван и рассмеялась. Я была счастлива.

На следующий день он не пришел и не позвонил. И через неделю. Я не знала, куда деться и что сделать, чтобы найти его. У меня не было ни номера телефона, ни адреса. Медленно начиналась депрессия. Как-то раз я вышла в магазин в надежде купить своих любимых конфет и успокоиться. У подъезда меня поджидал мой дипломат с букетом цветов и кульком моих любимых конфет. Он рассказал, что его послали в командировку и он не смог со мной связаться. Мне не важны были его объяснения. Главное, что он был рядом.

***

Мы вместе уже 17 лет. Наша любовь не проходит, и мы стараемся никогда не расставаться. И мне кажется, что мы понимаем, что такое счастье.

9 июля 1989 года

Притча

Планета назначения: Шеали

Здравствуй, ключник. Я тебе, наверно, уже окончательно надоела.

Вот моя история

Однажды человек пришел к предсказателю. Предсказатель посмотрел на человека, а потом сказал:

— Ты мог бы скоро умереть, но я вижу, что ты добрый, и я помогу тебе.

Предсказатель порылся в долгих светлых одеждах и что-то достал. Это оказалось маленькое семечко, такое маленькое, что даже разглядеть его было трудно. Он протянул семечко человеку:

— Это прекрасный цветок. Вырасти его, и он спасет тебе жизнь.

Обрадованный, человек кинулся домой. Он посадил семечко в горшок, поливал его и удобрял, наблюдал, как вырастает «прекрасный цветок». Но это был не цветок, а кактус. И когда он подрос, человек понял, что прорицатель обманул его, ведь кактус — это не цветок. И он снова пошел к предсказателю. Кактус он взял с собой. Идти надо было через пустыню. Тут поднялась песчаная буря, и человек заблудился. Он блуждал два дня без еды и воды. На второй день идти он уже не мог — силы стали его покидать. А кактус все еще был с ним. Когда человек вспомнил о цветке, у него появился шанс выжить. Он съел кактус и продолжил свой путь. Через день он предстал пред прорицателем.

Тот встретил его на пороге такими словами:

— Знаешь, человек, в чем твоя глупость? В неверии истине. Ты прошел долгий путь, чтобы понять это. Ты пройдешь долгий путь, чтобы объяснить это другим. Но знай, они тебе не поверят.

— Я не стану объяснять это другим. Зачем это мне, если им это не нужно?

— Затем, человек, чтобы искупить свою вину в неверии. Я только что предсказал твое будущее. Хочешь ты или нет, но тебе придется объяснять.

Человек горько заплакал и пошел назад через пустыню. Он не знал, как объяснить людям то, во что они не верят. Но раз уж это его судьба, то он должен хотя бы попробовать. Человек перестал плакать, поднял голову и гордо зашагал по пустыне. Он теперь не имеет права плакать, он несет свет.

Светлый лес

Планета назначения: Талисман

Здравствуй, ключник... Я даже не буду тебе ничего говорить. Просто снова расскажу свою историю...

Светлый лес. Деревья тихонько шелестят, выводя какую-то свою, только им ведомую мелодию. По протоптанной тропинке, прижимаясь друг к другу, кучкой идут туристы. Казалось бы, чего бояться в Светлом лесу? Но нет, они трясутся, дрожат и тихонько перешептываются. Они не знают, что лес не любит, когда говорят шепотом.

Светлый лес живет своей жизнью. Ему уже сотни лет, а он все стоит и даже не меняется. Он терпит приходящих сюда людей, терпит изо всех сил, хотя иногда его терпение и иссякает. Тогда их находят мертвыми в корнях деревьев, а иногда и вовсе не находят...

Светлый лес — не просто лес. У него сложная судьба. Раньше он был человеком. И не просто человеком, а сильным магом, правда, черным. Он делал все, что захочет, потому что не было никого сильнее его. Но потом все люди и маги объединились и сыграли с ним злую шутку. Они превратили его в лес и назвали Светлым. Одно название испепеляло его душу, но он держался. Он знал, что когда люди окончательно забудут его историю, он снова станет прежним. И он терпеливо ждал.

Туристы, идущие по тропинке, испуганно вздрогнули. А потом стали оборачиваться, оглядываться и протирать глаза. Куда же исчез лес? Они же по нему шли? Нигде не было ни малейшего следа деревьев, только на земле лежали прошлогодние опавшие листья. Светлые.

А вдаль уходила человеческая фигурка. Маг дождался того дня, когда его наконец забыли. Но он не учел одного — слишком долго его называли Светлым. Он уже не мог творить Зло. А Добро творить он никогда и не умел. Он стал простым человеком.

Бывший маг присел на камень. «Я человек, — думал он, — я теперь человек...» Он заплакал первый раз за всю свою жизнь. Он понял, как жестоко отомстили ему враги. Они отняли единственное, что у него было — надежду на месть.

Он умер рядом с камнем, на котором сидел, от безысходности. Люди, нашедшие тело, окрестили его «последней жертвой Светлого леса».

?

Планета назначения: Эридан

Здравствуй, ключник... Я опять не знаю что сказать... Скажу только, что ты необычный ключник, ты отвечаешь на вопросы... Но я их не задаю...

Вот моя история

Маленькая черная кошка хитро посмотрела на меня и нагло перешла через дорогу прямо передо мной. Я поняла, что неприятностей не миновать. Вообще-то, я нормально отношусь к черным кошкам и в приметы не верю, но воспринимаю их как предупреждение.

Когда я пришла на работу, я поняла, что неприятности не заставляют себя ждать. В моем кабинете меня ждал знакомый парень. Именно тот человек, который когда-то сломал мою жизнь.

Это случилось два года назад. Мы познакомились на дискотеке и через некоторое время стали встречаться. Сначала все шло хорошо, но потом с ним что-то случилось. Он стал невероятно ревнив. Он поджидал меня у подъезда рано утром, кричал за любой взгляд, который я кидала на другого парня. Это было невыносимо. Он изводил меня своей ревностью, я перестала спать и думала только об одном — как бы мне отсюда уехать. Однажды мне повезло. В три часа ночи я выглянула в окно и увидела, что его нет. Я схватила заранее приготовленную сумку и помчалась на вокзал. Там купила билет на первый попавшийся поезд. Я не оставила нового адреса ни друзьям, ни даже родителям. Просто слала письма без обратного адреса. В новом городе я устроилась на работу, начала жить новой жизнью. У меня появился парень, которого я по-настоящему любила. Но больше всего я боялась, что меня смогут найти. Оказалось, что мои опасения не были напрасны. Подтверждением этому была фигура, сидевшая в моем кабинете.

Я тут же схватила телефон и позвонила Саше, моему парню, попросила приехать. Он даже не стал спрашивать, в чем дело, по голосу понял что, проблемы серьезные. В кабинет я не заходила, дожидалась Сашу. Он приехал через 10 минут, успокоил меня и сам пошел в комнату. Какое-то время они разговаривали, потом Саша вышел и сказал:

— Этот человек больше никогда о тебе не вспомнит. Я обещаю.

Я поверила своему парню и с опаской зашла в комнату. Мой прежний ухажер уставился на меня непонимающими глазами. По его лицу видно было, что он даже не узнает меня.

— Что вы делаете в моем кабинете? — строго спросила я, хотя у меня и тряслись колени.

— Я не знаю... Извините, я сейчас уйду, — он встал и направился к двери. Я не стала его останавливать. Интересно, что с ним все-таки сделал Саша? И не сделает ли он такого со мной?

Когда я возвращалась домой, дорогу мне перешла разноцветная кошка. Вообще-то я в приметы не верю, но в этот раз поняла, что жизнь снова наладилась.

Хотя нет, ключник, у меня есть к тебе вопрос. Правда, на такие ты точно не отвечаешь... Как мне назвать этот рассказ?

Кактус и роза

Планета назначения: Факью

Здравствуй, ключник. Хорошие подарки ты мне преподносишь.

Вот моя история

В одной маленькой стране было местное чудо. На песке, обвивая друг друга, выросли кактус и роза. Они росли вместе, обнявшись, как молодая парочка, вот только роза протыкала своими шипами кактус, да и ее собственные листья были в его колючках. Но они росли вместе и, похоже, терпели друг друга.

Однажды мимо проходил человек. Он посмотрел на кактус и розу и подумал, что им очень больно вместе. Потом он пришел еще раз, с лопаткой, и отсадил кактус от розы. Он ухаживал за растениями, поливал их и очень любил. Но кактус через некоторое время погиб, вслед за ним увяла роза. Растения не вынесли разлуки. А человек до сих пор не понял, что же он сделал не так.

Так часто случается и среди людей, ключник...

Истории ustus007

Игра

Планета назначения: Аранк

Душе пора было снова отправляться в Мир. Она уже выбрала место, где появиться, и существ, которые произведут ее тело на свет. Но для того, чтобы начать свою жизнь в Мире, ей нужно было получить еще Дар, то, без чего никто не покидает Безвременное. И она обратилась к Богу, чтобы получить его.

Сначала она почувствовала предложение Дара Разума — но отказалась от него, так как разум в том мире, куда она следовала, приносил больше горя, чем радости. Предложение Дара Счастья она так же отвергла, потому что знала, что по возвращению из Мира любое счастье может обернуться бедой. Дар Силы, как уступающий Разуму, был отброшен сразу. Дар Удачи не давал полного содействия случайностей, и мог принести опасную расслабленность. Дар Любви Душа отвергла с сомнением, ибо его прелесть была велика, но и велик был риск. Дар Безразличия не устраивал Душу, так как делал ее приход в Мир бесцельным. Дар Выживания показался ей пустой самоцелью, а Дар Судьбы — слишком большим грузом.

На некоторое время предложения Бога остановились, и Душе показалось, что Мир теперь закрыт для нее.

Но после она ощутила новое предложение, и у Души не было поводов отказаться от него. Этот Дар был странным, не похожим на другие — Дар Игры...

...

Человек родился. Его жизнь начиналась так же, как и у миллиардов других людей, и, пока она не была сознательной, шла так же. Но когда он смог управлять собой, начались необычные проявления его характера.

Он сам определял серьезность происходящего. На вещи, которые были серьезными в понимании большинства, он мог легко не обращать внимания или даже презирать, но мелочи могли в его глазах вырастать до небес. Играть на бирже или на компьютере в видеоигру, спорить на деньги — часто он забывал разницу между этими вещами. Человек не всегда поступал только так, но эти странности случались с ним очень часто.

... Он проигнорировал день рождения своей девушки. Расстался, но не расстроился, хотя любил ее всем сердцем. Поступил в ВУЗ,

но не обрадовался. Первый завал на экзамене — и первые мысли о самоубийстве. Выпускник — и праздник на целую неделю. Споткнулся, когда шел по улице — и это послужило поводом, чтоб задуматься о своем здоровье. Пошел к врачу, и обнаружил опасную, хотя еще маленькую опухоль. Назначили операцию, но человек отказался. Случайно попал к другому врачу, и диагноз оказался ложным. Проигнорировал штормовое предупреждение — и его машину раздавило упавшим деревом...

Он нашел себе работу, где мог «играть» в свое удовольствие. Личная жизнь оказалась не слишком счастливой, но и без катастроф. Человек сохранил трезвый ум до самой смерти в старости, но богатым его никогда не называли.

...

Душа возвращалась из Мира в Безвременное. Ей предстояло познать путь, пройденный в Мире, и сохранить его.

Сначала она снова пережила всю жизнь человека, все его радости, печали и серые, скучные дни. Потом начал приходить смысл. Но едва поняв, для чего пришлось переживать какую-то неприятность или боль, Душа вспоминала: «Это всего лишь игра» — и боль теряла свое значение. И когда приходил смысл радости — «Это всего лишь игра» — и та превращалась в игру актера.

Душа не могла этого вынести, не могла понять. И она снова обратилась к Богу чтобы разобраться в своей жизни.

И тогда душа осознала, что не играла вовсе. Что все события, наигранные и прожитые искренне, вошли в ее жизнь полноценно, насколько это возможно. Она могла считать все, что угодно, игрой — но понимала, что это — жизнь. И что все радости — настоящие, если радуется сердце, и что все печали — подлинные, если человек грустит. И что вся жизнь — игра, но это ничего не меняет.

Пустота

Планета назначения: Факью

— У меня есть душа! — сказал Человек.

— Души вообще нет, — ответила ему Пустота, и Человек задумался.

Он прожил нормальную, обычную для людей его страны и времени жизнь, и хоть он умер молодым, это никого не удивляло — шла война. И теперь ему ничего не оставалось, кроме как висеть в Пустоте и разговаривать с ней.

— Но почему же тогда я тут?

— Это твои последние галлюцинации. Твой мозг умирает, а ты — наслаждаешься последним в своей жизни спектаклем.

— Тогда кто ты?

— Ты говоришь сам с собой.

— Да? И кем я был десять лет назад?

— Десять лет назад ты только закончил школу. Там, на выпускном, ты познакомился с Марией — твоей первой девушкой. Именно поэтому ты вспомнил ее сейчас, и не заметил, что...

— Понятно. Но что я думаю сейчас? — спросил Человек у Пустоты, и представил лицо мамы. Каким-то образом он понял, что Пустота отвечает на его слова, а не на мысли, хотя как тут можно было говорить?

— Я не знаю. Я — из другой области мозга, и не могу...

— Понятно! Ты врал! — закричал Человек в Пустоту.

— Успокойся. Ты можешь праздновать эту небольшую победу. Но это — победа над самим собой. И радоваться тут нечему — это не даст тебе несуществующей души.

— У меня есть душа! И это — не галлюцинации!

— Ну неужели ты думаешь, что для того, чтобы попасть в столь неприятное место, нужна какая-то мистика? — казалось, из пустоты сейчас донесется злобный смех.

— Хорошо. Я... Я действительно не знаю, где я. Но я знаю, кем я был, я же человек, а у людей есть душа!

— У людей нет души. Во всей Вселенной нет души. Ни одной.

— Я родился. Я появился откуда-то. И моя личность — не только тело.

— Твоя личность полностью определяется телом. Точнее — работой нервной системы. При чем здесь душа?

— Я... В детстве мне делали операцию, и была клиническая смерть, но я помню сон, он был как раз во время...

— Ну неужели не ясно, что тогда ты попал сюда в первый раз?

— Я... Я любил! Марию, но это была только юношеская влюбленность, а вот Жанну... Я бы все отдал, чтобы еще раз увидеть ее, я люблю ее все сердцем, всей...

— Душой? Любовь — это сумасшествие, обычное, потому что происходит почти со всеми, но — болезнь, отклонение, стремление к неадекватности. Психическое расстройство не дает тебе души.

— Послушай, я понял! Я говорю одно, ты говоришь другое, но ты не опровергаешь моих слов. Считай, что люди — только тела, но пока я вижу в них искру души, она у меня есть! Думай, что любовь — болезнь, но пока я в нее верю — ты не заберешь у меня души! Да, я мертв, но понимаю, что происходит, и у меня есть душа! И пока я... Пока я не верю тебе, ты не прав.

Пустота начала исчезать. Из тьмы пробился маленький лучик света. Человек ждал, что произойдет дальше, ждал, как ему казалось, очень долго — но ничего не менялось.

— Ну что ж, — сказал он, обращаясь непонятно к кому, — когда у тебя есть душа, появляется смысл ждать. Ведь тогда в запасе — вечность времени.

Доказательство

Планета назначения: Беззар

— Тебе нужно поверить, — спокойно сказал ему Петр.

— Старался. И не раз. Но — не получается, — ответил Марк, — это не делается силой, и невозможно поверить, чтобы выжить.

Террористы захватили Прибор. Это еще можно было поправить, хотя знание мыслей любого человека на Земле — самая сокровенная информация. Они же захватили Оружие. Это было хуже — жизнь человечества была в наибольшей из возможных опасностей. И когда, сделав с ними что-то, террористы сдались — облегчение испытали без преувеличения все, как оказалось — рано. Террористы смогли объединить оба устройства в одно, которое назвали Судией — и теперь все были в плену собственных мыслей. И спасти Землю, как ни странно, могла только вера.

Судия должен был определить, верит ли кто-то в Бога, и, если хоть один будет найден — отключиться. Но вера должна была быть не простой, а доказуемой — основанной на логике, выверенной до мелочи, без фальшивых фактов и аналогий. Верить в Библию? Докажи что там все правда, докажи себе — своему разуму, своему подсознанию. Видел когда-нибудь мистические видения? Докажи, что это не нарушение психики, а когда докажешь — увяжи это с существованием Бога. Верить в единого «высшего разума»? Докажи, что он один. Верить, чтобы перевоспитаться? Докажи, что не будет «побочных эффектов»,

от которых сам бы сейчас отказался. Веришь на всякийслучай? Докажи, что от этой веры действительно будет выгода. Веришьчтобы выключить Судию? Но кто же верит террористам, и действительно ли смертельный отсчет прекратиться? Веришь просто так? Докажи что у тебя нет других мотивов. Докажи себе, ибо тебя слышит Судия, и правду нельзя скрыть от себя.

— Ты сможешь, Марк. Обычно так говорят в дешевых боевиках, но время подсказало, что лучшего напутствия нет. Ты — лучший философ, Марк, в следующем году тебя ждала бы Нобелевская премия. Ты сам всегда говорил, что «хотел бы верить», и всегда оставался атеистом. Одним словом, наши специалисты решили, что кроме тебя — никто не справиться.

— Да? С какого времени в спецслужбах работают философы и богословы? Хотя это не важно. А как там вариантом «чтобы выключить Судию»?

— Нам до сих пор не удалось пробиться к нему. На нем — странный генератор поля, и... Ах да, тебе это все не интересно. Но наши специалисты проверили: даже если мы просто скажем, что Судия действительно выключиться, если кто-то доказательно поверит — у всех возникнет хотя бы подсознательное сомнение, что это ложь. Если бы это была правда, оставалась бы надежда на специалистов, которые проводили исследование, но...

— Я понял. Ну что ж, буду думать. До свидания, Петр.

— Прощай, Марк. Осталось ровно пять часов. Я был на испытании прототипа Оружия, и... Если ты не позвонишь через четыре часа пятьдесят девять минут, и не скажешь, что поверил — у меня есть заряженный револьвер.

— Скажи это своей жене, Петр. Она знает тебя даже лучше, чем я. Если кто-то способен доказать себе, что ты так точно поступишь — это она. И тогда она может поверить — не для того, чтобы остановить Судию, нет, чтобы остановить тебя. А ты... Ты достаточно пронизательный, чтоб распознать ложь. И она знает это, и поверит, чтобы спасти тебя.

— Я думал над этим. Но я слишком люблю ее, чтобы сказать ей, если я надумаю стреляться. Надя знает это, и не поверит, если я ей скажу ей просто так.

...

Через четыре часа пятьдесят девять минут в комнату ворвались запыхавшиеся Марк и Надежда. Но они опоздали буквально на доли секунды. Неизвестно, помогло ли это поверить кому-то из них, или они не при чем, но...

Когда на следующий день передали, что Судия отключился, внизу телеэкранов мелким шрифтом пробежало «за минуту до указанного террористами времени».

Ученый

Планета назначения: Шеали

Это история о мести, и о том, что месть иногда предшествует тому, за что хочется отомстить.

Это был великий ученый. Его имя тщательно скрывали, чтобы правительство других стран не имело ни малейшей информации о том, кто стоит за новыми технологиями. Так что будем звать его просто — Ученый.

Ученый работал в области человеческой генетики, но, поскольку его гений был достаточно разносторонним, он смог создавать воистину великие вещи. Первым таковым его изобретением был Симбионт. Это была бактерия, содержащая в себе человеческие гены, и поэтому она могла вытеснять все болезнетворные микроорганизмы, не вредя полезным. Фактически, это была защита от большинства известных людям болезней.

Ученый хотел сделать свое открытие доступным для всех, но правительство этой страны монополизировало право на Симбионт, и он стал инструментом власти и спецслужб. Даже людей, которые принимали участие в испытании Симбионта, убили.

Ученый знал обо всем этом, но ничего не мог поделать. И он продолжил свои разработки. Следующим его творением был Убийца — антипод Симбионта. Он всегда был несколько незавершенным, так как добавление в него генов, общих для большинства людей, могло послужить причиной эпидемии и даже вымирания человечества. Но власти пользовались им по другому — доставали кровь, или даже обрывки волос очередной жертвы — часто своего конкурента или президента недружественного государства, и добавляли эти гены в Убийцу. Теперь его можно было распылить по большой территории — и умер бы только один человек.

Ученый затаил обиду на власть, он не хотел, чтоб его изобретениями так пользовались. Он решил создать бактерию, убивающую все живое, и другую — противостоящую ей. Первую он хотел распылить на каком-нибудь собрании власти. А вторую — вокруг, чтоб не умерли другие люди. Но в этом не было необходимости.

Симбионт мутировал, и большинство из правительства умерло. Власть захватило другое движение, и, хоть Ученый был убийцей де факто — его оставили на работе, исправлять генетический код Симбионта, и делать его более устойчивым к мутациям.

Смысл этой истории в том, что в мести почти никогда нет необходимости. Если кто-то действительно заслуживает отмщения — наверняка оно родится в нем самом.

Спор

Планета назначения: Талисман

— Я не могу согласиться с тобой, Арин. Ты же прекрасно понимаешь — то, что в мире есть зло, неправильно. Людям оно не нужно, оно противоестественно для всей природы!

— Ты не прав, Кин. Зло лишь оттеняет добро, без этого все слилось бы в единую серую массу.

— Вы никогда не слушали меня, братья. Какая разница — ведь зло уже существует. Наивно полагать, что мы сможем что-то этому противопоставить. А раз так — нечего решать, откуда оно появилось.

— Арин, ну послушай! Серая масса — сама по себе зло, и не может получиться в его отсутствие.

— Кин, Кин... Есть вещи вне этих категорий. Зло ли ветер, ветер сам по себе, без его действий, зло ли гроза, зло ли солнце? Только действия, и то не все, имеют эту окраску, только так можно понять — что добро, а что зло.

— Братья мои, перестаньте. Серость — это плохо, хоть и не несет в себе злого действия. Не только зло приносит страдание, но зло — больше всего вредит человеку. И вместе с тем — серость... Взяла бы своей беспросветностью. Ваш спор — бесполезен.

— Ты поддерживаешь зло, Арин? Ты не имеешь на это право. Никто не имеет право на содействие разрушению, уничтожению, упадку. Ты хоть понимаешь, какие заветы нарушаешь?

— Кин, ты все перевернул с ног на голову. Я защищаю не зло, а добро. Но — к моему сожалению, они неразделимы. Ты против добра, Кин? Ты против всего того, ради чего стоит жить на свете?

— Братья, прошу, услышьте меня наконец! Вам не решить проблему, над которой лучшие умы бились долгие века. Вы обвиняете друг друга, и не видите, что ваш спор того не стоит. Вы так похожи и так различны.

Остановитесь!!!

...

Профессор жестами выдворил студентов из палаты и закрыл двери.

— Ну вот. Вы и увидели, с чем вам придется работать. Я старался показать вам самое интересное, остальные случаи — из классической психиатрии.

— И кто эти... больные? — спросила одна студентка.

— Те, что говорили, имеют отношение к философии. Как вы наверно заметили, они обсуждали проблему «существования зла». Не знаю, право, что заставило их так исказить собственные имена — до того, как они встретились здесь, с этим у них проблем не было...

— Значит, это имена не выдуманные, а искаженные? — бросил вопрос высокий студент, и снял очки. Профессор для себя отметил, что этот студент все-таки обращает внимание на его слова.

— Да, молодой человек. Арин, насколько я помню, до этого был Андреем Викторовичем Фавном, с ним я был... знаком, он — мой коллега с кафедры философии университета. Кин — Константин Павлович... запомнил фамилию, библиотекарь. До... его скорбной болезни я пользовался его услугами несколько раз, и он удивил меня своим интеллектом. Это тот случай, когда большие знания — большие печали.

— А третий?

— Третьему... Знаете, всем пациентам надо стараться помочь, но сочувствовать всем не возможно... Так вот, он единственный человек в этом заведении, которому я, ученый, в общем-то теоретического уклона, искренне сочувствую. Вас, наверное, интересует, почему он был в смиренной рубашке и с закрытым лицом? Он... не переносит конфликтов. Любых, даже сказанного слова и брошенного взгляда. И... бросается всех мирить. Но для примирения он использует далеко не только слова, а в последнее время вообще молчит. Хотя, когда его немота проходит, он уверяет всех, что это его не слышали.

— Кто он? — спросила староста группы.

— Неизвестно. Он попал сюда без документов, и никогда не говорил своего имени. Тут его зовут Безымянным. Я никогда не видел его лица — это слишком тяжело. Но.... Я кажется начал отвечать на вопросы не по теме. Так, сейчас все на выход, и...

Студенты спешили к выходу, профессор шел за ними. Сегодня и завтра ему предстояли еще три подобных обхода вместе со студентами, и он сможет не посещать эту больницу еще целый год. Он шел к выходу,

что-то смутно чувствуя, и не знал, что ни в этот день, ни в будущем он не узнает Безымянного — своего собственного, давно пропавшего брата.

Все имена и фамилии вымышлены, любые совпадения случайны.

Всемогущество

Планета назначения: Эридан

Однажды к Человеку прилетел Ангел и сказал:

— Бог считает тебя достойным и дает тебе всемогущество.

— Отстань, — ответил Человек, — всемогущество — слишком большая плата даже для ста достойных, а я не люблю быть должен.

Ангел улетел, а Человек продолжал жить дальше.

Однажды у Человека начались проблемы — другие люди, занявшие ему деньги, и требовавшие их отдать в самый неподходящий момент. И тогда его снова навестил Ангел:

— Прими всемогущество. И ты сможешь рассчитаться с долгами — ведь ты не любишь быть должен.

Но Человек все равно сказал:

— Отстань. Если я стану расплачиваться с ними с помощью всемогущества — это равносильно тому, что я отдам им в миллионы раз больше занятого. Я им не должен столько.

И Ангел снова вернулся ни с чем. А Человек нашел выход из ситуации и продолжал жить дальше.

Однажды Человек влюбился, а девушка не отвечала ему взаимностью. И Ангел снова прилетел к нему.

— Всемогущий может даже заставить полюбить, — обратился Ангел к Человеку, — прими это.

Но Человек был непреклонен:

— Отстань. Я люблю женщину, а не богиню, но и ради нее я бы не стал всемогущим.

И Ангел в третий раз покинул Человека, так и не передав ему дар. А Человек добился любви девушки и жил дальше.

Человек состарился, и время его смерти приближалось. И Ангел вновь явился к нему.

— Отстань! — закричал Человек, когда увидел Ангела, — Всемогущество мне теперь уж точно не нужно, да и надоело общаться с Богом через посредников.

— Я тут не для того, чтоб предлагать тебе всемогущество, — ответил Ангел, — Но я хочу знать, почему ты всегда начинал свой ответ со слова «отстань»?

Тут Человек засмеялся, и сказал Ангелу:

— Светлый Ангел, ты так ничего и не понял? Я мечтал о всемогуществе. Но я решил для себя, что никогда не приму его. Если бы я начинал разговор иначе, ты бы мог убедить меня. А так — я прожил жизнь человека, и не жалею об этом.

И Ангел покинул Человека, поняв, что всемогущество не предлагается случайным людям, а Человек покинул этот мир, радуясь, что остался собой.

Фанатик

Планета назначения: Ностим

Его можно было назвать Фанатиком. В общем, он был достаточно образованным и умным человеком, но была у него одна слабость — он верил в Идею. Эта Идея была смыслом, мечтой, целью его существования. Ради нее он был готов на все, в жертву ей приносил всех. Любой факт, противоречащий идее, он называл ложью, друг, если он спорил с ней, нарывался на яростное сопротивление, и вынужден был либо согласиться, либо стать врагом.

У Фанатика были соратники. Они так же верили в Идею, но такого рвения, как Фанатик, не испытывали. Он не слишком уважал их, так как подозревал в предательстве каждого.

Однажды Идея слегка изменилась, и причиной этого изменения был сам Фанатик — он в дискуссии случайно обнаружил противоречие, которое крылось в самой Идее, и, чтобы сохранить ее, вынужден был допустить изменение. Но Идея измененная нравилась ему гораздо меньше, чем старая — ведь если бы это изменения произошло раньше, он бы не потерял нескольких своих самых близких друзей. Он хотел отменить изменение. Но под угрозой обвинения в предательстве не стал этого делать.

Потом Идея изменилась еще раз. После того, как найдена была одна неточность, соратники Фанатика более смело начали вносить свои предложения. Потом еще раз. Фанатик сопротивлялся, как мог, но его

соратники меняли Идею раз за разом.

Идея не стала от этого лучше. Многие соратники Фанатика покинули ее, не приняв все новых и новых изменений. Потом последователи Идеи раскололись на два лагеря — из-за разногласий по поводу очередного изменения. Идея билась в агонии, а ее последователи продолжали перекраивать ее на свой лад.

Идея была при смерти, но Фанатик еще пытался ее спасти. Он собрал вокруг себя самых стойких соратников, попытался реанимировать ее в первоначальном виде — все напрасно. Новоявленная организация также распалась, и последователей Идеи становилось все меньше.

В конце концов, Идея погибла — ей остался верен один Фанатик. Идея жгла его изнутри, толкала на действия, но он не был в состоянии выдержать ее самостоятельно. В какой-то момент и он отбросил ее, чтобы посмотреть на мир чистым взглядом. То, что он увидел, было прекрасно, но человек уже не был фанатиком, и это уже совсем другая история.

А Идея, раздробленная, разломанная на миллиарды элементов, живущих в разных сердцах и умах, призраком продолжала существовать в мире. Она ждала своего часа — часа нового Фанатика.

Истории Bookman

Воля

Планета назначения: Аранк

Это случилось давно, Ключник, но помнится до сих пор.

Однажды летом мы нашим школьным туристическим кружком пошли в поход. Поход был категорийный — 100 километров за девять дней, с трехдневной стоянкой. Группа подобралась разновозрастная, как говорится — «от горшка до выпускного», числом около двадцати человек. Выпускников, правда, оказалось всего трое, я и два моих закадычных друга. У всех троих уже был опыт таких походов, да и физподготовкой в то время мы обделены не были. В общем, в результате вышло, что весь поход мы перли рюкзаки «за себя и за того парня». Это даже инструкторы оценили, как-то взвесив наши раздутые «баульчики». А инструкторы нам, к счастью, попались опытные, но мы это только потом поняли.

Я в то время жил на Урале, леса там — «мечта партизана», ушел вглубь на сотню метров — неделю с вертолетов искать будут. Первое время все было замечательно: стояла прекрасная погода, группа дружно, почти не расползаясь, штурмовала аккуратно размеченную трассу. Но, через пару дней, зарядили нудные морозящие дожди. Настроение, естественно, у всех скисло, все намокло, стало неподъемным, а тропа — предательски скользкой. И вот как-то под вечер все мы заблудились. Старший инструктор решил немного спрямить дорогу, дабы облегчить прохождение трассы, и потерял направление.

И вот смеркается, группа шлепает по мелкому, сопливому болотцу, которое раскинулось вокруг, насколько хватает глаз. Начали подниматься на какой-то пологий увал, чтобы, хотя бы, переночевать на горе, на сухом месте. А болотце, опровергая все законы физики, не кончается даже на подъеме, под ногами все такая же холодная хлюпающая грязь до щиколоток, прикрытая нарядно-зеленым мхом. И склон кажется бесконечным. Совсем стемнело. Под ноги начинает стелиться белый, какой-то неправдоподобно плотный туман, сползающий с горы и оседающий на траву, и листья чахлах болотных кустиков с крупными водяными каплями. Все устали, «мелочь» и девчонки начали тихонько поскуливать, пришлось снять с них все, что можно, повесив на кого повзрослее. В результате мы втроем стали «временно беременными» от висящих спереди рюкзаков. Когда выползли на гору, уже наступила ночь. Вершина — небольшое плато из голой неровной скалы, почти без растительности и деревьев. Похолодало, так, что шел

пар изо рта. Все сильно устали, самые мелкие просто валялись с ног. И тут кто-то из девчонок начал судорожно причитать, хватаясь за почки. Инструкторы кинулись разводить костры. Я, уже имеющий какой-никакой туристический опыт, никогда раньше не видел, чтобы в такие сроки были нарублены какие-то дрова и зажжен первый костер. Его тут же, как замороженная, плотно начала обступать вся группа. Самое поганое, что апатия связала и нас троих. Сказалась, видимо, и усталость, и психологическое давление этой аморфной массы подростков, которые были деморализованы полностью. Весело пляшущие яркие язычки пламени едва начинающего разгораться костерка стали, как магнит, притягивать и нас.

И тут старший инструктор, здоровый такой лысый мужик, громко матерясь, шарахнул меня в грудь, пнул второго товарища, чем и вывел нас из оцепенения. Мы тут же стали им помогать, зажгли еще костры, начали ставить палатки. Колышки вкопать было не во что — кругом скала, кое-как волокли с окрестностей какие-то бревна, вязали растяжки к ним. В первую палатку тут же, безо всякой команды и уговоров, набилось мелюзга, утрамбовавшись штабелем в три ряда. А для нас с друзьями мест в палатках так и не хватило. Но я так устал, что готов был упасть, где попало. Достал из рюкзака лист полиэтилена, его, в идеале, должны подкладывать под палатку. Только расстелил полотноще на земле, как на него, с какого-то кустика, угораздившего расти рядом, слилось микроозерцо воды. Мой товарищ, наблюдающий за моими манипуляциями, и тоже потянувшийся было к своему рюкзаку за спальником, почему-то решил «как-нибудь перебиться, тут, сидя у костерочка». А мне было уже все «до лампочки», я кинул свой спальник в эту лужу, не раздеваясь, чуть ли не в куртке-штормовке и ботинках, влез в него и вырубился. Потом мне рассказали, что я во сне рычал, «как бульдозер», видимо все еще «штурмуя» то проклятое болото.

Мы благополучно прошли трассу, из-за той экстремальной ночевки никто даже насморк не подхватил.

Сейчас я вспоминаю то время и думаю: что, если бы тогда инструкторы не поступили именно так, возможно, все сложилось бы совсем не так радужно...

Страх и паника — очень опасные враги человека. Победить их в экстремальной ситуации — первая и очень сложная, но выполнимая задача.

Homo sapiens отличается от самого высокоразумного животного не только наличием специфического чувства — юмора, но и наличием осознанной воли, мобилизация которой может спасти жизнь и себе, и другим.

Хозяин Мира

Планета назначения: Факью

Мир Земли так многообразен... Может быть, возможно и это...

Я зигзагами неслась по полу, спасаясь от неминуемой смерти посредством раздавливания поношенной матерчатой тапочкой. Откуда-то сверху был слышен истошный визг особи женского пола, которой принадлежало это смертоносное орудие. «Василий!!!» — истошно заливалась особь: «У нас таракан, Василий! Ах ты, дрянь ползучая!..» Дальше следовали и другие нелестные эпитеты, которые я вынуждена опустить, по причине их непечатности, и характеризующие меня с крайне негативной стороны, что совершенно не соответствует действительности! Подошва обуви гулко ударила совсем рядом справа, подняв облако пыли. «Лучше бы полы чаще и лучше мыла, дура!», — злорадно подумала я, резво отскакивая влево. «А то бактерий-то всяких летает, бактерий... Нам-то они не страшны, а вы, человеки, дышите ими, дышите... И они еще считают нас переносчиками заразы! На себя бы посмотрели...»

Силы уже начинали покидать меня, драгоценная отека, с готовым вот-вот родиться потомством, грозила выпасть из яйцеклада прямо сейчас, но облупившийся половой плинтус с широкой спасительной щелью вдоль пола был уже совсем близко. Неэстетично пахнущая деталь домашнего гардероба человеческой особи внезапно впечаталась прямо передо мной, преградив путь к спасительному убежищу и, оглушительно шурша, стремительно двинулась прямо на меня.

Времени на маневр отхода не оставалось. Проанализировав в рапид-режиме вектор возможных действий, я остановилась на варианте с наивысшим процентом удачного осуществления. Оттолкнувшись слабеющими лапками, я вскочила прямо на обувь, которой предыдущие несколько минут меня целенаправленно пытались убить. Результатом решения стал многократно усилившийся поток бранных выражений, скачком перешедший в оглушительный и совершенно неинформативный возглас.

Чувствуя, что деталь гардероба, на которой я надежно зафиксировалась коготками и шипами лапок, начала резкое поступательное горизонтальное движение вдоль поверхности пола, я решила не использовать ее как средство дальнейшего передвижения и, соскочив и сориентировавшись, продолжила отход в сторону намеченного укрытия. С максимальным ускорением, преодолев последний отрезок пути, и слыша сзади досадное: «Ушел, скотина

такая!..», я бегло обследовала новое убежище. Обнаружив, что оно по всей протяженности соседствует с зоной, контролируемой человеческими существами, и, слыша, как они предпринимают немедленные и настойчивые меры к поиску смертоносного инсектицида, я пришла к выводу о высокой вероятности моего немедленного убийства в этом укрытии и начала поиски более защищенного места. Спустя некоторое время поиски увенчались успехом. А тут и пришел срок отложить потомство.

Прошло время. Удобно устроившись на возвышении, я наставляла столпившуюся вокруг себя свежеродившуюся мелюзгу: «Истинно говорю вам, детки мои, скоро придет наш час! Братья наши во всем огромном мире уже готовы осуществить освободительный план. Недолго осталось терпеть засилье этих презренных человеческих существ, наивно мнящих себя Венцами Природы и ведущих подлинный геноцид в отношении нашего народа! Знайте же, что наша цивилизация была на Земле уже триста пятьдесят миллионов лет назад, когда не только людей, но и динозавров-то не было! Нас около четырех тысяч видов, из них, к счастью, лишь немногим выпал тяжкий крест соседства с человеком. Мы пережили глобальные изменения климата, разрушительные природные катастрофы и попытки глобального уничтожения не только со стороны людей! Но их цивилизации приходят и уходят, мы — остаемся!

Придет момент, мы хитроумно повредим их несовершенные технические устройства, приведя в действие самое разрушительное и смертоносное оружие, которое сотрет с лица нашей цветущей планеты презренную человеческую цивилизацию! Да, и среди нас будут жертвы, но будут они не напрасны! Ибо потом этот прекрасный мир станет безраздельно принадлежать только нам, Тараканам! Но пока не пришло это благословенное время — плодитесь и размножайтесь, но с осторожностью осваивайте окружающий мир! Знайте, что человек, в своей бессмысленной и бессильной злобе, ненавидит нас и всегда готов уничтожить...»

Что такое любовь?

Планета назначения: Беззар

Ключник, ты слышал неисчислимое количество историй об этом... Каждый, рассказавший тебе о ней, по-своему прав...

Избитая истина: любовь — как костер... Как только вспыхивает она в сердцах любящих, то горит мощно, обжигая и очищая душу, щедро, не скупясь, раздаривая свой жар. Совсем как добрый, горящий

на отличном сухом валежнике, костер. Но я хочу рассказать тебе о другом...

Проходят дни, недели, годы... «Влюбленные часов не наблюдают...» Но, незаметно, совсем незаметно, мы меняемся... И счастье скоротечно, ибо, если бы оно было вечным, человек перестал бы расти, уподобившись, в такой безмятежно-счастливой жизни, мушке в янтаре.

И вот огонь любви уже не рвется в разные стороны бешеным пламенем, он горит ровно, сильно, безмятежно, радуя и нас, и окружающих... Любовь еще легко справляется с промозглыми сквозняками неустроенности, непонимания, неприязни, которых в нашей жизни предостаточно. Это кажется несущественным, наносным, не стоящим внимания, ведь пламя любви еще так безотказно греет нашу душу и тело. И мы не заглядываем вперед, принимая происходящее как данное, не составляя себе труда представить, что будет потом... Ведь мы еще так молоды и впереди целая бесконечная жизнь...

Человек слаб и грешен... И вот тебе уже за «...цать», но ты еще «ого-го!» Правда, все больше на словах... А твоя любимая, заглядывая утром в зеркало, только раздражается от отражения в нем. За плечами, в багаже лет, чего греха таить, и адюльтерчики, и какие-то шальные, сумасшедшие, мимолетные влюбленности... Ты наивно полагаешь, что никто об этом не знает и даже не догадывается! И, в свою очередь, вроде как, тоже ни о чем «таком» не подозреваешь... Секреты полишенеля...

И вроде благополучно пройдены уже штормы семейных кризисов, которые часто бьют в щепы не только «утлые челны» любви, но и добротные, многолетние семейные «фрегаты». Этим, наверное, могут «похвастаться» все повзрослевшие молодожены, а исключения только подчеркивают правило...

Но все эти годы такие отношения нещадно и хладнокровно били любовь смертным боем, методично сбивая ее накал, замораживая ледяным дыханием.

И любовь стала похожа на маленький теплый огонечек свечи, который колеблется и никнет от малейшего неосторожного дуновения.

А мы все чаще, походя, бросаем друг-другу такое, что раньше, когда-то давно, у того самого «костра», нам даже в голову не пришло бы... Или просто молчим... И это молчание бывает томительнее, тяжелее, убийственнее самых жестоких слов. И все чаще мы отворачиваемся друг от друга, опуская руки, оставляя без защиты маленький тающий огонек...

Мы перестаем замечать, или делаем вид, что не видим, как наша любовь совершенно истончилась, задавленная грузом того, что еще называют абстрактно-емкими словами «жизнь» и «привычка», и молит

о нашей немедленной защите...

Берегите Любовь...

Не торопись!

Планета назначения: Шеали

— Э-э-э, батенька, — услышал я. — И куда же мы так торопимся?..

Напрягшись, я сел и увидел перед собой человека средних лет, сидящего на каком-то белом небольшом кубе. Человек этот был в ослепительно-белой хламиде, темные волосы и аккуратная бородака строгой рамкой очерчивали бледное выразительное лицо.

— А, Вы, наверное, хотели бы меня увидеть в истинном облики? — спросил человек. — Но вы, люди, привыкли, что мы ТАК выглядим, вернее, вы нас такими сами себе придумали. Так зачем вам лишние хлопоты? Ну, зачем, объясните, Вам лицеизреть бесформенное светящееся облако, говорящее на абракадабрском языке? Ну, неудобно же это, милейший!..

Я все еще не понимал, что со мной происходит, вернее, догадывался, но сознание упорно не хотело это принимать.

Сидящий на кубе человек, тем временем, продолжал, качая головой:

— Нехорошо, дорогуша, ох как нехорошо... Да, я все понимаю... Вы долго думали и приняли взвешенное решение. А как же быть с...

И передо мной, как на огромном киноэкране, пошли нереально яркие образы: заплаканное, опухшее от слез, морщинистое лицо мамы, рядом с занавешенным черным платком трюмо, и запах сердечных капель по комнате; враз повзрослевшее, затвердевшее лицо младшего брата, только-только встающего «на ноги», и принявшего сейчас первый в жизни тяжелый удар; мой заместитель, душная выдающаяся посредственность, имеющий очень весомых родителей, со смехом рассказывающий бородатый плоский анекдот: «...на работе повысили, в лотерею машину выиграл, а теперь и теща преставилась — поперло!!!».

А еще я увидел, как, услышав из мобильника: «Его нет больше...», падает в обморок Линда, роняя трубку... Завтра мы должны были идти в ресторан, и она догадывалась, что там произойдет, и всюю готовилась к этому: и записалась к парикмахеру-стилисту, и пересмотрела весь свой гардероб, но ничего не понравилась, пришлось срочно мотаться по магазинам в поисках чего-то необычного. А сейчас все это стало ей ненужным, ненужным совсем... Я вижу, как она приходит в себя, и сидя

на полу, слепо шарит вокруг руками. Наконец, она находит коробочку телефона и судорожно набирает номер...

— Ну, объясните мне, бестолковому, отчего вы такие торопыги??? — вывел меня из оцепенения голос человека. — Крошите миллионами друг друга в войнах, расшатали природу своей планеты — дальше некуда, все у вас взрывается и разваливается... Да еще, ко всему этому, пачками стреляетесь, вешаетесь, травитесь? И, отчего, вы так наивны, упорно полагая, что за гранью все у вас будет хорошо, что тут все как медом намазано?! Почему, в конце концов, это лучший выход для вас?! Почему вы, решая что-то, в своей слепой непогрешимости, думаете только о себе...

Он возмущенно всплеснул руками, покачал головой и замолк, сгорбившись.

Помолчав, человек в белом горько произнес:

— Иногда мне стыдно за вас. Так что, иди-ка, человек, с миром обратно...

Он встал и...

Я сидел на диване. Мне было стыдно и плохо... Раскалывалась голова, всего трясло и мутило, во рту было мерзко. На полу передо мной красовалась огромная рвотная лужа.

Дошло, что где-то на кухне давно уже заливается вызовом мобильник. Запинаясь на дрожащих ногах, прошлепал в кухню, взял непослушной рукой мерцающую трубку и нажал кнопку. И тут же услышал испуганно-радостный голос: — Ты где!!! Что с тобой?! У тебя все нормально? Ну, почему ты молчишь?!!

— Да, все нормально... — выдавил я. Слова с усилием приходилось толкать в пересохшее горло.

— А мне такой сон страшный сейчас приснился... — сказала Линда и начала рассказывать свой сон...

Шла весна 1945 года

Планета назначения: Талисман

Шел последний месяц весны 1945 года. Наши войска уже взяли Берлин, войне — конец, но еще ожесточенно сопротивлялись гитлеровские части из группы армий «Центр» в Чехословакии. Поэтому все еще торопились на восток санитарные поезда, заполненные исковерканными войной, мучающимися человеческими телами. Заполненные болью, усталостью, смертью...

Ночью к санитарному поезду №... привезли очередную партию раненых. Многие были очень плохи, потому что доставить раненого на операционный стол немедленно было невозможно — станция располагалась далеко от мест боев. Поезд наполнился топотом санитаров, заносящих носилки, приглушенным говорком медсестер, тяжелыми стопами солдат. Шум будил лежащих на полках раненых, они с тревожным любопытством вглядывались в лица поступивших.

Поездная хирургическая бригада готовилась к срочной операции. Лежащий на столе молодой русский лейтенантик был в беспамятстве.

«Хоть анестезия не понадобилась, — мрачно размышлял начальник поезда, подполковник медицинской службы Иван Михайлович Ветров, протирая йодом руки в перчатках. — Запасы уже все вышли, и когда пополним — неизвестно...» Ветрову надели марлевую маску, подали скальпель, и он шагнул к операционному столу.

«Плохо, ой, как плохо... — думал он, глядя на развороченную, кроваво-синюшную брюшину. — Вероятен постоперационный перитонит... Большая кровопотеря... Еще два осколка в бедре, осколок в предплечье... Но артерии не задеты, это терпит, главное — брюшина...»

— Пульс слабый, давление 80 на 50, — сказала ему в спину медсестра Лидочка. Ассистент Ветрова, второй хирург, капитан медицинской службы Мироненко, смотревший на операционное поле с противоположной стороны стола, поднял слезящиеся, покрасневшие от усталости глаза на хирурга.

— Шансов почти нет, — тихо сказал он.

У Ветрова внезапно закружилась голова, волной накатилась черная усталость. Скрипнув зубами, полковник отрывисто бросил: — Приступаем! Сестра, тампон, обработка поля!..

Операция шла третий час. Закрыта брюшина, бригада приступила к извлечению осколков...

— Пульса нет! — вдруг взволнованно вскрикнула Лидочка, держащая руку пациента.

— Непрямой массаж сердца, немедленно! — скомандовал Ветров. Мироненко, бросив инструмент в кювету, начал делать массаж. Тело раненого безжизненно качалось в такт толчкам. Прошла минута, другая...

— Все равно нет, — чуть не плача, повторила Лидочка. Взгляд ее испуганно заметался между Мироненко и Ветровым. — Что же теперь?!!

— Лидия Мстиславовна, — стараясь говорить как можно спокойнее, произнес Ветров: — Пригласите сюда, пожалуйста, Софью Алексеевну.

Очень быстро и без истерик... И подождите снаружи...

Лидочка кинулась в двери. Она бежала по вагонному проходу, огибая свешивающиеся с полок и торчащие в проходы забинтованные конечности раненых.

— Вы не видели Софью Алексеевну?! — кричащим шепотом спрашивала она у всех встречающихся. Но никто не знал, где она. Заскочив в штабной вагон, Лидочка рванула ближайшую дверь купе — никого. В следующем — тоже... А в третьем, наконец, она увидела пожилую, полноватую и совершенно седую женщину, в старенькой телогрейке поверх выцветшей гимнастерки без знаков различий, спокойно зашивающую чью-то гимнастерку, при свете снарядной копилки. Та спокойно подняла голову, и, встретившись с взглядом с медсестрой, сразу отложила шитье.

Софья Алексеевна была вольнонаемной, работала в медицинском поезде с самого начала войны. Говорили, что вся ее семья погибла на оккупированной территории Белоруссии в первые дни войны, а она уцелела, только потому, что приехала погостить к внукам в Москву. Еще медсестры шептались, что Софья Алексеевна может поднять любого безнадежного. Как это у нее получается, не понимал никто, многие и не верили в это, считая излечение только заслугой врачей. Но подполковник Ветров уже не раз, проводя сложнейшие операции, посылал за этой пожилой женщиной, которая не была даже санитаркой. И всегда после операций раненые жили. Случалось, они шли на поправку так быстро, что в госпиталях за линией фронта потом не верили первичным записям в медкартах. Но спрашивая об этом напрямую Софью Алексеевну остерегались. Могла она, взглянув исподлобья пронзительными, серо-льдистыми глазами, обрамленными паутинкой лучистых морщинок, улыбнуться и, качнув головой, сказать: «Не говорите глупостей, я не понимаю, о чем Вы...»

— Софья Алексеевна, скорее! — задыхаясь, выпалила Лидочка. — Там... Там...

Она молча отодвинула Лидочку и порывисто вышла из купе.

Врачи молча посторонились, пропуская женщину в телогрейке к операционному столу. Она обошла стол кругом, пристально всматриваясь в лежащего на нем солдата. Потом встала в изголовье раненого, наклонилась и положила свои руки на безжизненно раскинувшееся тело. Одну — на голову, другую — на грудь, слева, где сердце. Замерла, опустив голову.

В операционной сгустилась тишина. Ветров с Мироненко даже дышать перестали, понимая, что в руках этой, рано постаревшей женщины, с добрым и волевым лицом, находится сейчас жизнь смертельно

раненого человека.

Лидочка, осторожно приоткрыв дверь, заглянула в операционную. Она увидела Софью Алексеевну, неподвижно стоящую на краю падающего с потолка конуса ослепительного белого света; застывших в тени, в стороне, врачей; свесившуюся со стола желтую недвижимую руку лейтенанта. Ничего не происходило, казалось, время в операционной остановилось... Мертвая рука солдата, вдруг качнулась, пальцы дрогнули, слабо сжались. Вновь расслабились... И вдруг тишину операционной разорвал тихий, хриплый стон раненого. Врачи кинулись к пациенту.

— Лида! — закричал Ветров. — Тампон, пульс, давление, быстро!!!

А Софья Алексеевна, неловко отшатнувшись в сторону, в тень, к стене, устало оперлась там на какую-то тумбочку. Постояв, она медленно, незаметно вышла, сгорбившись и шаркая ногами.

Все неотложные операции были закончены. Ветров вышел покурить в тамбур. Руки его дрожали от усталости, папироса так и норовила выскочить из пальцев. За окном бежали пейзажи послевоенной Европы: чистенькие, нетронутые пожарами поселки, ухоженные фруктовые сады, пасущиеся пегие коровки. Дверь тамбура открылась, вошел Мироненко. Он улыбнулся и сказал: — Давление и пульс в норме. Температуры нет. Спит сейчас, как младенец. Будет жить!

Шел последний месяц весны 1945 года. Санитарный поезд №..., подробно стуча колесами на стыках рельс, бежал на восток.

Выписка из приказа Верховного Главнокомандующего СССР: «... п. 1. За безупречное выполнение своих боевых обязанностей, недопущение потерь среди вверенного персонала и направленных на излечение военнослужащих Красной Армии, командира военно-санитарного поезда №..., подполковника медицинской службы Ветрова Ивана Михайловича НАГРАДИТЬ: орденом Ленина, медалью „Золотая Звезда“ и представить к почетному воинскому званию „Герой Советского Союза“;

п. 2. Присвоить, досрочно, очередное воинское звание „Полковник медицинской службы“...»

Разговор на кухне

Планета назначения: Эридан

Это тоже когда-то было...

Однажды на работу мне позвонил один старый друг. Я учился с ним в одном ВУЗе, в одной группе. За годы учебы мы сильно сдружились. Мы не виделись с ним много лет, с тех пор, как окончили институт,

и жизнь разбросала нас в разные стороны.

И вот теперь мы сидим у меня на кухне за накрытым столом и молчим. Я незаметно разглядываю его. Он сильно изменился за эти годы: приятное когда-то лицо стало жестким и застывшим, взгляд внимательных серых глаз исподлобья, когда-то открытый и светлый, стал колючим и цепким.

Мы выпили за встречу и, как водится, тут же налили по второй. «Не чокаясь», — скупой обронил он, «За оставшихся там»... Постепенно он отмяк, разговорился, и вот что я услышал.

Оказалось, что после института он уехал к себе на родину, устроился на завод, женился, все было, как у людей. Время тогда было лихое, «самый угар перестройки», зарплату на заводе месяцами не платили, а семью нужно было кормить. И он, соблазненный рекламой военкомата, поступил на контрактную службу. И угодил на «Вторую Чеченскую»... Пройдя ее, получил контузию, боевой орден и бесценный опыт убийства себе подобных. Несмотря на то, что посмотрелся он на войне всякого, ненависти к противнику он не испытывал. «„Чехи“ — они такие же, как люди, только „чехи“», — без улыбки сказал он.

Вернувшись с войны, узнал, что жена подала на развод и выписала его из квартиры. Эту квартиру в престижном районе города, доставшуюся им от его родителей, но формально «нажитую в браке», он сначала хотел разделить через суд, но потом простил, хотя забыть этого так и не смог. Про свои вещи у бывшей жены даже не стал узнавать, потому что все, в тот момент, затмило известие о смерти его родителей, попавших в автокатастрофу, а потом стало вовсе не до того. Он совсем скупой рассказывал подробности той аварии. Вышло так, что потрепанную «девятку» его родителей, ехавшую себе спокойно в крайнем правом ряду оживленной загородной магистрали, на дикой скорости зацепил, толкнув с высокого откоса, навороченный джип с сильно спешащими по своим делам молодыми людьми. «Девятка», слетев с откоса, перевернулась и загорелась. Остановилось несколько ехавших следом машин, выскочившие из них люди пытались сбить пламя, но было уже поздно. Прибывшие к месту трагедии пожарные и спасатели извлекли обгоревшие до неузнаваемости тела его отца и матери. А джип торпедой пронесся себе дальше, и установить, кто им управлял, так и не смогли.

Его друзья, к тому времени, уже имели свои семьи и детей, бизнес и сопутствующие всему этому хлопоты... «Понимаешь...» — виновато отводя глаза, говорили ему, «Жена наотрез, ну, ни в какую... В общем, говорит, или он, или я. Теща тут еще воду мутит... Да и Роману нашему всего год, сам понимаешь». Совали деньги: «Возьми, тут не очень много, но все равно пригодится...» И вышло так, что никто из них, закадычных когда-то друзей «на всю жизнь», не смог, хотя бы на время, приютить

колючего, взрывного старлея — контрактника, вернувшегося с необъявленной войны. Так он стал человеком без определенного места жительства.

Как-то, поздней осенью, на их группку, греющуюся в тамбуре багажного отделения вокзала, напала стайка крепкошеих молодых людей. Популярное и почти безопасное развлечение — «повалить кегли» или «куклы», было распространенной забавой «золотой» постперестроечной молодежи. Попытки дать им бой или скрыться лишь раззадоривали этих злобных, беспощадных двуногих зверьков. А численный перевес «бомжар» даже тешил их самолюбие. Но горе, если в пылу побоища вдруг повредили стильный «боевой прикид» борца за «чистоту расы», или, не дай Бог, зацепили самого «радетеля». Тогда эти уродцы зверели и в ход шли не только кулаки, кастеты и тяжелые ботинки, но ножи, и «совершенно случайно завалывшиеся» в их машинах бейсбольные биты... Так случилось и в этот раз... Он отбивался от пары парней, не очень активно старающихся его свалить, «на автомате» уходя от ударов и почти не нанося ответных. Услышав крик Ивана, одного из своих новых знакомых, с кем он в последнее время строго поровну делил хлеб и «паленую», грошовую водку, совсем не потому, что «так положено», а потому что это — «по совести», ведь большинство «бомжей», на самом деле, совсем не потеряли человеческого облика, и, увидев, как его убивают битами трое молодчиков в куртках толстой, добротной кожи, он, беспощадно сломав своих противников, рванулся товарищу на помощь.

Что произошло потом, он не помнит. Очнувшись где-то во дворах, он осторожно опустил Ивана со своей спины на дворовую скамейку, но, взглядевшись в разбитое, искаженное мукой, лицо, понял, что Ивана больше нет. До рассвета он неподвижно просидел рядом с телом человека, виноватого лишь в том, что ему негде было жить, и беспощадно за это убитого. Когда, поутру, во дворе стали появляться спешащие по своим делам люди, он в последний раз взглянул в мертвое лицо своего товарища, закрыл ему голову капюшоном куртки и ушел.

Потом он как-то вспомнил, что я уехал сюда, и решил навестить. Добрался на перекладных, одному ему известными путями выяснил, где я работаю, и позвонил.

Я не стал предлагать ему устроиться на работу, выбить какое-нибудь жилье, хотя возможности, пусть и скромные, у меня имелись: он приехал ко мне не за этим. Просто, иногда человеку очень нужно почувствовать, что его понимают и принимают таким, какой он есть, не загоняя в рамки общественных шаблонов. А еще, помните, гениальный романтик Антуан Экзюпери сказал: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения».

Прощаясь, у меня мелькнула мерзкая мыслишка: предложить ему хоть сколько-нибудь денег, но я задавил ее: нельзя обижать Человека жалостью или жеманным сочувствием, это унижает...

Он ушел, каждый протаптывает свою тропинку только сам, протягивая ее сквозь тернистые и дикие кущи с названием — Жизнь.

Я и Голос

Планета назначения: Ностим

— Чай, кофе, потанцуем?.. спросил я, включая чайник.

— А у тебя выпить есть? — спросила она.

— В холодильнике, — ответил я, задумавшись.

Мы познакомились несколько часов назад, на большой корпоративной вечеринке, посвященной успешному завершению крупного проекта. По работе мы с ней пересекались часто, весь коллектив департамента «пахал» честно, но дальше отношений «привет — пока» и совместного решения каких-то служебных вопросов, дело никогда не заходило. Мне она всегда казалась такой слегка стервозной, хваткой, но неглупой «эмансипе», в вечной строгой офисной, неброской, но стильной, брючной тройке, с тонкой сигареткой «на отлете», и спокойно-снисходительным отношением к «мужицкому стаду».

«Ну вот, началось...», — подумал я. «Ну, почему, всегда одно и то же: немного вина, хмель кружит голову, и „слетают шторы“. А потом она раскинется в немом призыве — я жду тебя, милый! Самое обидное, что ничего путного из этого обычно не получается. С чего-то они свято верят, что неотразимы в постели, что я только и мечтаю, как бы с ними переспать, и, этим, вроде как, делают мне одолжение. На поверку, они оказываются обычным „бревнышком“, утомляющим своей чахлой сексуальной фантазией до невозможности...»

“А ведь ты тихо становишься занудным женоненавистником... « — сказал мне Голос.

Я обернулся на ее смех.

— Ты ограбил дорогой вино-водочный магазин? — спросила она, глядя в открытый холодильник. — Не верю своим глазам... А, может, ты главарь банды бутлегеров?

«Очень смешно...» — подумал я. «Козыряем начитанностью... Интересно, что у нас „по списку“ дальше?..»

— Нет, это я вчера в ванне наловил — в тон ей ответил я. — Ну, помнишь, «...закинул старик невод в синее море...»

— Ага, «...он в другой раз закинул невод — пришел невод с травой морской». И с какого же захода ловится «Пино нуар» девяносто седьмого года? В руках у нее была початая бутылка вина, она, с любопытством, разглядывала неброскую этикетку.

«Заметьте, сударь, безошибочно выудила самое неплохое... — опять заметил Голос. «Хотя рядом стоял какой-то симпатично размалеванный, но совершенно несъедобный вермут. Со вкусом у нее все оки, ты не находишь?»

«Да просто случайно попало в руки!» — раздраженно ответил я Голосу. «А вино, и вправду, нормальное».

Пока я тянулся в шкаф кухонного гарнитура за бокалами для вина и тарелками, припоминая, что можно накопать к этому вину из моего холостяцкого холодильника, мимо меня в мусорное ведро пролетела консервная банка. Обернувшись, я с удивлением увидел, что она ловко режет кусочек крупнодырчатого бледно-желтого Эмменталя, уже выложив в глубокое блюдо маслинки и настругав тоненькими, вытянутыми, аппетитно блестящими от жирка, дольками хвостик «Зернистой» колбаски. И уже нарезана треть кирпичика «Никитского».

— Салфетку бы еще, — ловко раскладывая безупречным веером причудливо-фигурные пластинки сыра и задумчиво оглядывая великолепно сервированный стол, сказала она. — И вилочки.

В ступоре, я поставил на краешек бокалы, не зная, куда деть тарелки с вилками. Задвигались кухонные ящики, я только успел рукой указать, как бокалы, забликовав от салфетки, вслед за вилками оказались на положенных им местах, у расставленных тарелок.

Я взял бутылку, машинально отметив, что она уже откупорена, что заранее делают для выветривания из нее «уставших» винных паров, и наполнил наши бокалы.

И хорошо бы сказать какой-нибудь приличествующий месту тост, но мне в голову вот совершенно ничего не идет! И предательски молчит выручавший меня раньше Голос...

Но тут она подняла бокал и, сквозь янтарно-солнечный напиток, взглянула мне в глаза...

Разбудила меня прекрасная терпкая смесь ароматов свежезаваренного кофе и чуть пересушенных тостов.

— Я тосты пережгла, — услышал я ее смущенный голос. — У тебя тостер «не той системы...»

Она стояла, улыбаясь, на пороге комнаты, в одной моей домашней ковбойке. Чуть распушенные со сна, вьющиеся пряди еще не уложенных светлых волос пронизывало утреннее солнце, и они играли всеми оттенками: от медно-рыжего до ослепительно-белого.

«Посмотри, как нимб...» — проснувшись, восхищенно шепнул Голос.

А еще я, вдруг, разглядел, как она, смущаясь, так мило и непосредственно пожимает плечиком. И как, мимолетно задумавшись, смотрит немного исподлобья, слегка наклоняя голову.

— Ну что ж, будем осваивать «систему»... — улыбнулся я ей в ответ.

Голос только одобрительно хмыкнул и исчез.

Иногда мысль бывает такой силы...

Планета назначения: Земля

Он, как обычно, решил сегодня обедать в «Клубе». Сумрачный, уютно-прохладный зал ресторана, выходящий столиками на танцпол, был пуст. Только ярким островком светилась барная стойка. Подошел к стойке, кивнул знакомому бармену, протянул ему компакт-диск, снял со стойки пухлую кожаную папку с меню и, в ожидании официанта, присел за любимый столик. Бармен включил музыку — жестко-ритмичная, слегка тягучая, но мелодичная тема «хаус-микс» застучала в зале. Он любил эту музыку...

Неслышно подошел официант, споро принял заказ, через полминуты уже ставил на столик салатик, плетенку с хлебом и бокал минералки.

Он задумался, почему-то набежали воспоминания... И отошла на задний план постоянная тянущая, «негромкая» боль «под ложечкой».

— Подхарчиться зашел? — услышал он знакомый голос. Хозяин «Клуба», улыбаясь, устраивался поудобнее на стуле напротив. — Правильно надумал, молодец... Ну-с, чем нас сегодня травят? — оглядываясь, спросил он.

Рядом уже стоял давешний официант с блокнотом и карандашиком наизготовку.

— Степочка, пожалуйста, мне — как обычно... И водочки триста, — хозяин вопросительно глянул на меня. Я равнодушно пожал плечами, еще находясь во власти воспоминаний.

Раньше я ходил в «Клуб» часто. Я любил такой отдых. Легко сливался с разгульно веселящейся, «отжигающей» молодежью. Несмотря на совсем не тинейджерские годы, я достойно танцевал и под современные музыкальные стили, тот же хаус, стрит-данс, фанк, но и в вальсе мог неслабо «взволновать девушку». А еще никто не давал

мне мой реальный возраст. «Возраст — состояние души...» Хозяин «Клуба» посмеялся как-то: «Не выглядишь хорошо — развивался плохо...» Я всегда пристойно вел себя в «Клубе», сказывалось и «старорежимное» воспитание, и безнадежно утрачиваемая сейчас «культура общения». Я всегда уклонялся от каких-либо неизбежных в нетрезвом обществе конфликтов, стараясь гасить их в самом зародыше. Потому как бить пьяненького, да разухабистого — удел подонков. А еще я всегда уходил домой один, хотя старался не пропускать ни один располагающий к знакомству медленный танец, и частенько становился объектом откровенного «съема» со стороны девушек.

«Как они достали все!..» — раздраженно думала Лора, «разогревая» вяло колышущуюся массу на танцполе. «Улыбайся — работаем... А плятятся все, улыбаются, раздевают на ходу... Особенно вон тот, глаз ведь не сводит... Ходит сюда постоянно и все смотрит... Шел бы... в кино... и смотрел там себе... Казел, млин!..»

— Кисло выглядишь, — констатировал хозяин: — Все так и болит?

Я только кивнул. Нам принесли заказ, мы стали обедать.

— Все равно не пойму, как так может быть, — сказал хозяин. — Ну, что ты мысли ее...

— Я уже тебе говорил, что я не разбираю все, да и не хочу, — ответил я. — Просто чувствую... Просто чувствую, что ей кто-то что-то наговорил... Такое...

— Да ладно, — оборвал меня он. — И так ясно...

У Лоры был выходной, она пришла в «Клуб» с подружкой, просто попить пивка и поглазеть на народ — самой танцевать было совершенно «в лом», потому как «на работе достало». Взяли по бутылочке, зажурчали трубочками, поглядывая на танцпол. Только закурили — зазвучал «сильный» медляк, откуда-то взялся «тот самый казел» и вежливо пригласил ее на танец.

А как он танцевал!... Лора, сама неплохо умеющая танцевать, совершенно растаяла, ведомая сильной, и, одновременно, нежной рукой. «И где он так научился, гад?» — подумалось ей. И она никак не могла вспомнить для сравнения кого-то, танцующего хотя бы похоже, а не пытающегося ее тупо потискать и побулькать в ухо пошлости. А «казел», весь этот бесконечный и, одновременно, очень короткий волшебный танец, молчал, потом вежливо вернул ее за столик, поблагодарил и ушел.

— Чо за пипл? — спросила подружка. — Кто таков? А, видала его тут, танцует ничо так...

— Не знаю — кто, — ответила Лора. — Но медляк танцует прико-льно...

Вечеринка подходила к концу. За столик Лоры подсели знакомые пацаны, Миха и Васек, дающие понять девочкам, что не прочь продолжить вечер вместе и в более интимной обстановочке.

Тут к их столику подошел официант и молча отдал Лоре записку. Она развернула маленький листочек бумаги: интернет — адрес какого-то чата, ник в «аське».

— А, это тот пень написал, мля, что тебя на медляк таскал? — загоготал догадливый Миха, выхватив записку из рук Лоры. — Да ты знаешь, кто он такой...

И он стал рассказывать всей компании «ТАКОЕ...»

Я видел, что ей отдали мою записку, как потом она стала шарить взглядом по полупустому залу. А потом наши взгляды встретились. И тут-то меня и свело...

Врачи только разводили руками — боли не от болезни, здоров организм. Даже слишком здоров... Как сказал один из лучших врачей — гастроэнтерологов, пожилое «светило», просмотрев результаты обследования: «Это у вас, батенька, не желудок. И не организм болен... Боюсь, но причины тут душевного плана...»

После обычной планерки, предшествующей предстоящим напряженным выходным, хозяин отпустил коллектив, сказав, на прощание: «Все свободны! Лора, а ты, пожалуйста, останься...»

Она вернулась к столу. Хозяин заведения помолчал, глядя на необъятную плоскость столешницы, думая, с чего начать разговор. Оценивающе посмотрел на девушку. «Да, выросла девочка... А мы вот только стареем...»

Хозяин спросил:

— Почему ты ТАК о нем думаешь?

Лора удивилась, как странно он на нее смотрит, просто сверлит глазами. Она не понимала, о чем идет речь. Пожала плечами:

— Объясните, Андрей Сергеич, что случилось-то?

— Он не заслужил ТАКОГО отношения, понимаешь, он лучше! Намного лучше!.. Хозяин почти кричал, он занервничал, не глядя, нашел на столе сигареты и закурил, не отрывая тяжелого взгляда от девушки.

Лора сумбурно перебирала в голове варианты ответа, тщетно силясь понять, о чем идет речь.

— Да, о чем Вы? — вновь переспросила она. — Кто ОН-то? Скажите нормально!

— Я не знаю, что тебе ТАКОГО о нем наговорили, только вранье все это, понимаешь!? А если я узнаю, кто это был — найду и удавлю, с-сучонка! Сам удавлю!

— Андрей Сергеич! — уже плаксиво протянула Лора. — Да в чем дело-то?..

— А ты подумай, хорошо подумай, и вспомни! Сама, на досуге, вспомни! И, запомни, девочка — нельзя так слюдьми! Запомни!!! Он чувствует ВСЕ и болеет до сих пор! Иди, давай, и думай, думай! И вспомни!..

Когда девушка вышла, хозяин «Клуба» раздраженно ткнул недокуренную сигарету в пепельницу, с силой потер ладонью лицо. «Чем можем — тем поможем...», — тоскливо подумал он. «- Дай-то Бог, чтобы помогло...»

Ну, почему люди всегда любят тех, кто их не любит?.. Банально это, но факт...

Бунт

Планета назначения: Аранк

Расскажу-ка я, тебе, Ключник, про дикость человеческую...

Я стою крайним справа в цепи. Солнце вылезло в зенит, становится жарко... Потеет рука, сжимающая и покачивающая, чтобы успокоиться, резиновую палку. А еще давит на щеку ремешок каски. Сама каска потихоньку нагревается, и башка в ней начинает потеть и чесаться. И пот начинает течь по спине, под броником...

А мне до «дембеля» остался всего какой-то месяц...

Нас сейчас было сто пятьдесят против где-то тысячи... Сто пятьдесят — это наша рота в полном составе, плюс два взвода ментов, срочно собранных городским УВД. Наскребли они, кого могли, поэтому сзади и по бокам нашей цепи стоят и молоденькие, почти неслужившие, стажеры, и штабные пузатые майоры, на которых бронезилет кое-как сходится. Которые пистолет и «изделие-72» видели и держали в последний раз еще в школе милиции. И надеги на них никакой нет... Еще дальше, за ними, стоят две пожарные машины наготове, рядом с которыми топчутся пожарники в своей «огневой» (зачем здесь-то?) форме и касках. Они меньше всего хотели бы во всем этом участвовать, но приказ — есть приказ, они ведь тоже на государственной службе...

А напротив кипела черная, бесчинствующая толпа... Нас разделяла усеянная камнями и кусками каких-то железок площадка и высокий, но хлипкий проволочный забор, делящий учреждение ИЗ №... на промзону и жилую часть.

Пока нас сюда везли, сообщили, что бунтует до девяноста процентов «контингента» учреждения. Причины — грамотно раскачанное «паханами» зоны недовольство осужденных бытовым условиями. Есть жертвы среди «обслуги» и СПП (службы правопорядка из «контингента»). Уцелевшие из них забаррикадировались в зданиях промзоны и вопрос их деблокировки — вопрос жизни и смерти. По прибытии на место и после оценки ситуации, вариант штурма с подавлением беспорядков рассматривался как единственный.

Черная, бестолково бурлящая толпа, из которой, с улюлюканьем, летели камни и куски арматуры, внезапно начала раскачивать забор. Разрозненные крики слились в ритмичный ор, и ограждение после мощных толчков рухнуло. И эта черная река выплеснулась на площадку...

Несущиеся на нас люди в расхристанных арестантских робах, не добегая десятков метров, начинали тормозить. Но задние на них напирали, и все они медленно, но верно двигались к нам. Я, как можно спокойнее, сунул руку в крепеж серого дюралевого ростового щита, такого, с четырьмя рядами отверстий в верхней части и поднял его в боевое положение. Слева, ожидая команды, на меня смотрело все мое отделение, от «молодых», в первый раз взявших в руки «спецсредства», до однопризывников, которым, как и мне, остались считанные недели до «дембеля».

Я услышал, как сзади крикнули, хором взревели дизеля «пожарок» и через наши головы по черной толпе ударили тугие струи воды.

Наш замкомполка дал спецкоманду, и рота пошла вперед. И, вперед, на раз, два!..

Орущая масса заключенных, несмотря на «водные процедуры», продолжала наползать. Передние ряды толпы, изгибаясь под ударами брандспойтов, падали наземь, на них наступали, и они исчезали под ногами вслед идущих. Шум двигателей машин, свист фонтанов воды и людской крик слились в жуткий гул... Я мельком глянул влево по линии нашей цепи, рявкнув, осадил вылезших вперед. Нужно — разом, и, вперед, на раз, два!..

Когда от нас до разрезаемой струями холодной воды людской мешанины оставалось пара метров, масса эта остановилась и стала медленно отступать, расплзаясь.

А мы — и, вперед, на раз, два!..

Я вижу животный страх в глазах рядового Сергеева, призванного всего два месяца назад... Потное, решительное лицо «дедушки-полуторогодичника» Васина... В мою сторону глянул Иванов, «Иваныч», сержант соседнего отделения, палкой сделал неприличный жест и, набычившись, шагнул, вместе со всеми, вперед...

И, вперед, на раз, два!..

Через минуту рота «вошла в контакт»...

Специфический, мерзкий звук попадания «по объекту» палкой... Крик, удары с той стороны в щит... Команда, толчок щитом наружу, слитный крик подразделения, нападение палкой и укрытие щитом... Спецрота ВВ, выполняя «операцию», похожа на многорукий, бездушный, наглухо защищенный чешуей щитов диковинный механизм, легко парирующий все внешние воздействия и медленно, но неуклонно ползущий вперед, с одной, лишь ему известной, целью.

Снова спецкоманда, уже на применение химсредств. За этим — «рассечение массы» с «выявлением» и «задержанием зачинщиков»... Перекрикивая шум, команду перестроение, щитом подгоняю соседа... И тут, вскользь приоткрытого щита, мне в лицо суют какой-то длинной оглоблей... Успеваю только пригнуть голову, приняв удар на каску и отвести щитом дубину. В глазах одновременно с оглушительным металлически-гулким стуком каски темнеет, и я начинаю выпадать из цепи... И в строю возникает брешь. А этого допустить никак нельзя — под угрозой окажется фланг и тыл всего подразделения. И слышу, как какой-то мент из группы прикрытия, виртуозно и оглушительно матерясь, «закрывает» меня, оттесняя нападающего... Темнота в глазах рассеивается, а на смену бывшему азартному спокойствию приходит черная тяжелая злоба...

А дальше неинтересно, Ключник, да и не хочу я ничего больше про ЭТО рассказывать. Спецоперация закончилась штатно, серьезно пострадавших ни у нас в роте, ни у ментов не было... «Контингент», почти без жертв, растолкали в бараки, «обслужу» зоны деблокировали...

Нам еще рассказывали потом, что менты, найдя тела работников учреждения, вслед за этим кое-кого из «контингента» почти таким же образом самовольно «засудили»... Но сам этого не видел, нас увезли сразу по окончании операции... Врали, наверное...

Мы потом, целых два дня «ловили расслабон» и на службу не ходили. «Солдат спит — а служба идет...»

А до «деμβеля» был еще месяц...

Тираж произвольный. Макет сверстан 19.11.06
[Интернет-издательство Распечатай.РУ](http://www.raspechataj.ru)
<http://www.raspechataj.ru>

"«[Спектр7](#)» — виртуальное путешествие по Вселенной" — проект, созданный по мотивам книги писателя-фантаста Сергея Лукьяненко «Спектр». На нашем сайте вы можете читать и писать истории, узнать новое о Космосе и человеке в нем, знакомиться с интересными людьми!